

Кузьмина Мария Юрьевна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ БЫЛИННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ГРУППЫ "ДВОР, НАИМЕНОВАНИЕ ПОСТРОЕК И ЧАСТЕЙ ДВОРА")

Территориальная дифференциация фольклора - одна из основных проблем современной лингвофольклористики. В статье представлен сопоставительный анализ функционирования лексико-тематической группы "двор, наименование построек и частей двора" в текстах былин, зафиксированных в Сибири, на Белом море и Печоре. В ходе анализа, не проводившегося ранее на выбранном материале, выявлена территориальная специфика былинных текстов на уровне стилистических, синтагматических и семантических особенностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 109-112. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 801

Филологические науки

Территориальная дифференциация фольклора – одна из основных проблем современной лингвофольклористики. В статье представлен сопоставительный анализ функционирования лексико-тематической группы «двор, наименование построек и частей двора» в текстах былин, зафиксированных в Сибири, на Белом море и Печоре. В ходе анализа, не проводившегося ранее на выбранном материале, выявлена территориальная специфика былинных текстов на уровне стилистических, синтагматических и семантических особенностей.

Ключевые слова и фразы: язык былин; лексико-тематическая группа «двор, наименование построек и частей двора»; территориальная дифференциация.

Кузьмина Мария Юрьевна

Курский государственный университет

Ma-RUS-ja@yandex.ru

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ БЫЛИННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГРУППЫ «ДВОР, НАИМЕНОВАНИЕ ПОСТРОЕК И ЧАСТЕЙ ДВОРА»)©**

В ряде вопросов, связанных с особенностями устно-поэтического слова, выделяется проблема территориальной дифференциации языка русского фольклора. На языковую специфику фольклорного произведения оказывает влияние не только индивидуально исполнительское предпочтение, но и принадлежность этого произведения к определенной областной эпической традиции [7, с. 3].

При сопоставительных исследованиях лексики «наиболее объективную картину может дать членение словарного состава на смысловые фрагменты с выявлением значимости, удельного веса каждого из них в фольклорной картине мира» [5, с. 226]. Метод сопоставительного анализа функционирования лексико-тематических групп и отдельных лексем в результате позволяет описать устойчивое и вариативное в лексиконах былинных текстов, а следовательно, особенности фольклорной картины мира на различных территориях. Источниками нашего исследования являются сборник беломорских былин, собранных А. В. Марковым [1], былины, записанные Н. Е. Ончуковым на берегах Печоры [6], и сибирские тексты из свода «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» [9].

Выбор для анализа данной лексико-тематической группы обусловлен ее значимостью в былинном тексте, поскольку «дом и двор – это основное место действия в эпическом городе» [3, с. 203].

В трех сборниках былин лексемы, относящиеся к исследуемой группе, распределены таким образом. **Беломорье:** баня (3), ворота (32), двор (191), дворец (10), двoryще (1), загуменье (1), конюшня (11), кузница (3), кухня (3), оградаушка (3), поварня (3), погреб (3), подворье (13), строенье (1), строеньице (1), тын (4). **Печора:** ворота (22), врата (1), двор (47), дворец (2), завод (2), загород (1), задворенка (11), изба (1), конюшня (2), кузница (2), ограда (1). **Сибирь:** банюшка-парушка (6), баня (3), ворота (18), двор (20), дворец (7), избушка (3), конюшня (6), поваренная (5), поварня (2), погреб (2), подворьице (3), стоило (1), тын (3), тынинка (1), челядинная (3).

Устойчивыми элементами, входящими в описание беломорского, печорского и сибирского эпического двора, являются *ворота, двор, дворец, конюшня*.

Самым частотным наименованием данной группы оказалось существительное *двор* (191 словоупотребление) в беломорском эпосе. Значение существительного может конкретизироваться в зависимости от того, в состав какой атрибутивной пары оно входит. Значение *‘хозяйство семьи’* [11, т. 7, с. 294] реализуется в частотном традиционном фольклорном сочетании с прилагательным *широкий*, зафиксированном на всех территориях: *И вышел он вон на улицу И пошел по своему широкому двору, Ко своему к отцу-к матушке* [6, былина 19, стр. 46-48]; *Поехали они скоро в Чернигов-град Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу, И едут они на улицу на широку, И бегут они ко двору широкому* [9, б. 48, стр. 96-99]; *Ты не бойсе моего двора сиротского, Заежай-ко-се добрым конем на широкой двор. Ты попить-то, поесь ко мне, покушати* [1, б. 46, стр. 64-66]. Как видно из последнего примера, эпитет *широкий* в контекстах о дворе в фольклорном тексте употребляется как устойчивый и не несет значения *‘большой, богатый’*. Территориально маркированными эпитетами являются *сиротский* (2), *вдовый* (1), *княжеский* (1) в былинах Белого моря и *богатый* (1) в сибирских текстах.

В сочетаниях с прилагательным *конюшен* лексема *двор* обозначает хозяйственную постройку для домашних животных: *Приезжают они ко Дюку на широкой двор, Говорят-то всё они да промежу собой: «Дюк Степанович, наверно, не пустым хвостат». Описали-то они да всё жили три месеца, Описали они только всё один конюшной двор* [Там же, б. 15, стр. 206-210]; *Он приходит к своему широкому двору, Он заходит к своему коню доброму, Он заходит ко коню да на конюшен двор, Он де падает коню-то во праву ногу* [6, б. 22, стр. 56-64]; *Не послушался-де Здунай родимой матушки, Пошел-де Здунай да на конюшен двор, Имат себе коня доброго, Он седло-то надевал, сам оседывал* [9, б. 151, стр. 11-14]. Но в некоторых контекстах значения смешиваются, и эпитеты *конюшен* и *широкий* перестают быть показателем значения

в контексте: *Ай ведь есь у мяя, у Дюка, добра молодца, На двори у мяя да на конюшном всё Как живёт у мяя да петьдесят да всё людей робочих* [1, б. 15, стр. 147-149]; *Он приходит ко своему широко двору, Он приходит ко своему коню доброму, Он-де падает коню да во праву ногу* [6, б. 22, стр. 216-219].

Не зафиксированное в сибирской традиции эпитосочетание *среди двора*, употребляющееся в беломорских и печорских текстах, обозначает нахождение былинного героя или его коня «в пределах пространства» двора [11, т. 37, с. 199]: *А приехал в славной Киев-град, Ко ласкову приехал князю на широкой двор, Как ведь соходил-то со добра коня, А вязал-то коня да среди двора, Среди двора к дубову столбу да к золоту кольчу* [1, б. 68, стр. 141-145]; *А поехали они да во Чернигов-град, А приехали они да во Чернигов-град, Становили-то коней среди двора, Не привязанных коней, да не приказанных* [6, б. 64, стр. 17-20].

Особенностью беломорского текста «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» является употребление фольклорной формы эпитета *широкий*: *Как приехали Добрыни к широко двору, Увидала Добрынина родна матушка, Стречала их среди двора, Среди двора со красна крыльця* [1, б. 71, стр. 194-197]. В печорской традиции зафиксированы контексты с употреблением формы дательного падежа *ко свою двору*, в которых значение лексемы *двор* меняется на *дом*, а также семья, живущая в нем [11, т. 7, с. 294]: *Да и тут молодцы нын разъехались, Да и едет сокольник ко свою двору, Ко свою двору, к высококу терему, Да встретят его матушка родимая* [6, б. 1, стр. 356-359].

В сибирской былине «Добрыня и Олеша» употреблено сочетание *Он стоял-то на двух дворах* [9, б. 126, стр. 24], видимо, означающее, что Добрыня жил (двором стоял [11, т. 7, с. 297]) в двух домах: своем и своей матушки.

В беломорской былине «Камское побоище» зафиксировано единичное употребление атрибутивной пары *постоялые дворы и постоялые дома*, то есть упоминания заезжего двора, а значит, данный контекст мы не относим к приватному локусу.

Для наименования фрагмента пространства, включающего жилой дом с надворными постройками и угольями, в эпосе используется также существительное *дворец* – «дом, а также двор вообще; хутор, заимка, усадьба, стоящая особняком» [Там же, с. 247].

В текстах Белого моря *дворец* может быть *князев* (1), *княжеский* (1), *царский* (1) и *хрустальный* (6). Мнение о том, что «слово *дворец* являлось уменьшительным от *двор* и обозначало постройку, где хранилось имущество и припасы, одновременно этим словом называли службы, ведающие хозяйством князя <...>, его никогда не употребляли для обозначения княжеского или царского жилища, для этой цели предназначались слова *палаты, хоромы, двор*» [8, с. 125], не подтвердилось. В беломорской традиции лексемой *дворец* названо княжеское жилище: *«Ты дай мне только, князь, да дозволеньцо, Дай мне-то матушки сырой земли соорудить себе дворец хрустальной-от»*. *«Тебе даю я все да дозволеньце; Ты построй ево, куда желаешь-то. Хоть возле мой дворец княженеской-от»*. *«Я желаю-то построй себе дворец да во твоём-то, князь, да зеленом саду»* [1, б. 65, стр. 57-62].

В сборнике Печоры лексема *дворец* зафиксирована дважды в былине «Васька Игнатъев»: *Как и еду-ле я с вами в стольно-Киев-град, Я грометь-шурмовать да стольно-Киев-град, Мы повыбьем-де всю силу да самолучию, Уж мы тех-же бояр да толстобрюхих, Только тот с вами залог да я положу нын: Штобы оставить князя да со княжиною, Да и царской двореч, да церкви Божии* [6, б. 4, стр. 203-209]; *Состоялася война да тут великая, Кабы бьют по всему да как по городу, А князя двореч да оставитце* [Там же, стр. 210-212].

В сибирской традиции *дворец* называется *широким* (1) или *княжеским* (1) и используется в эпитосочетании *среди дворца* «нахождение в пространстве двора», зафиксированного с лексемой *двор* в беломорском и печорском тексте, но не в сибирском: *Ты скачи во град бездокладышно, Станови коня среди дворца, Входи в полаты не моляся, А Владимиру-князю не кланяйся, А ты кидай ерлык на дубовый стол...* [9, б. 68, стр. 28-32].

Территориальной особенностью Беломорских текстов является использование существительного *подворьеце*, фольклоризма *дворыще* «двор, терем» [11, т. 7, с. 302] и гапаксов *строенье, строеньце* в значении «двор»: *А как мимо ехали Соловьево высокое подворыще, А высокое-то дворыще, высок терем; Как увидели Соловьёшка да родны дочери, А больша-то говорит: «Как батюшко-то едет, мужика везет»* [1, б. 68, стр. 120-123]. Лексема *подворьеце* употребляется в схожих синтаксических позициях, что и существительное *двор*, образуя атрибутивные пары с прилагательными *вдовин, сиротский* и *змеиный*: *Тут стоит Забава, природумалась, Не знат, ли посетит ево, не посетит ево; Роздумалась она своим умом-то ведь: «Я схожу, зайду к нему да посмотрю-то ведь Как ево-то строенья, в доми убранства-та»* [Там же, б. 65, стр. 120-124]; *На злату казну Сатка, купц(ч)я богатого, На строеньце Дюка сына Степанова. А у Дюка был дом-от да на семи верстах. Кругом Дюкова было ведь широки двора, Ведена была оградаушка булатная* [Там же, б. 101, стр. 6-10].

В сибирских былинах зафиксировано три контекста с идиолектно маркированной лексемой *подворьеце*: *Недосуг Ванюшке во пиру сидеть, Сходил с подворыща дворянского И приходил к своему подворыщу И заходит на подворыще дворянское, Заходит ко коню на конюшенку, На ту же на конюшню белодубовую* [9, б. 91, стр. 57-61].

В каждой традиции двор имеет уникальное «лицо»: так, помимо традиционных элементов, беломорский двор включает *баню, ворота, загуменье, конюшню, кузницу, кухню, поварню, погреб, оградаушку и тын*. Двор в текстах Печоры отличается *воротами/вратами, заводами лошадиными, загородом (огородом), задворенкой, кладовой, дворовой конюшней, кузницей и оградой*. Сказители Сибири описывают двор, состоящий из *банюшки-паруши, бани, ворот, задней избушки, конюшни, поваренной избушки, поварни, погреба, стоила, тына и челядинной избушки*.

Особое внимание обратим на лексему *изба* в эпических текстах. В отличие от беломорских текстов, в сибирской и печорской традиции данная лексема не называет жилого строения. В сборнике Сибири идиолектное употребление существительного *избушка/избушечка* в сочетании с прилагательными *задняя, поваренная* имеет значение «отдельное строение, предназначенное для кухни» [Там же, с. 479]. «В Сибири избой зовут отдельную стряпную, кухню, и переднюю избу, в отличие от куты, задней, стряпной, бабьей избы» [11, т. 12, с. 88], а в составе эпитетосочетания *челядинная избушка* обозначает «дом, где живет челядь (прислуга, дворня)» [9, с. 481]: *Пробежал-то Чурилко сын Пленкович, Он тропил-то тропинку ко Велеметеву двору, К задней избушечке, в поваренную и в челядинную, Ко той Василисе Николаевне, Ко той ко честной королевине* [Там же, б. 141, стр. 4-8]. В тексте былин Печоры употреблено сочетание *нижняя изба*, обозначающее «внутреннее помещение крестьянского дома» [11, т. 12, с. 88].

Баня – locus, где совершались некоторые семейные обряды и гадания [10, с. 138]. Лексикографический портрет слова *баня*, созданный М. А. Бобуновой, описывает все случаи употребления данной лексемы в интересующих нас контекстах. В сборнике Сибири «слово *баня* сюжетно обусловлено». Зафиксированное в составе особой фольклорной конструкции *банюшка-паруша* [11, т. 25, с. 247] «в былине о Ставре, оно используется в определенном фрагменте – «испытания» героя. За похвальбу перед князем Владимиром Ставр посажен в – «ногребя глубокие», в связи с чем к нему на выручку спешит супруга, наряженная послом. Для того чтобы развеять сомнения в том, что перед князем именно мужчина, а не женщина, послу необходимо пройти несколько – «испытаний», одно из которых – баня» [2, с. 15]: *Гой еси, мои слуги верные, Истопите-ка банюшку-парушу, Этого я посла изведу* [9, б. 130, стр. 114-117]. Кроме того, в сборнике Сибири лексема *баня* употребляется также в былинах об Илье Муромце на Соколе-корабле. «Необычный корабль, имеющий звериный облик, в изложении сибирских сказителей приобретает дополнительные характеристики» [2, с. 16]: *Ох что было на Соколе на корабле? Две мачты дубовыя, Три базара гостинья, Две бани торговья* [9, б. 40, стр. 7-10]... «Три (две) бани торговые, три базара гостинные и три церкви соборные (две мачты дубовые) – вот необходимые атрибуты фантастического корабля» [2, с. 16-17]. В беломорских былинах А. Маркова бани вместе с кузницами являются показателем богатого двора Дюка [Там же, с. 17]: *Да настроены у Дюка-та были кузницы, Да настроены у Дюка-та были банечьки* [1, б. 101, стр. 16-17].

Лексема *конюшня* имеет территориальные особенности употребления. В беломорском эпосе данная лексема может входить в состав устойчивого формульного выражения, «то есть некоторый фиксированный отрезок текста, буквально повторяющийся в данном произведении и в традиции в целом» [4, с. 12], *взять божьи церкви под/на конюшни*, использующегося в эпизоде угрозы захвата города врагом, когда речь идет о грядущем разорении города: *Тут стоит-то под Черни-городом сила великая, А хотят-то розбить, розорить-то город Чиженец, А Божьи церкви хочют да под конюшни взять* [1, б. 68, стр. 29-31]. В былинах Белого моря упоминаются *лошадиные конюшни* в постоянных дворах (2) и *сорок конюх да со конюшнями* в идиолектном (зафиксированном в речи одного сказителя) описании богатства двора в былине о Дюке. В Печорских текстах употребление атрибутивной пары *дворовая конюшня* идиолектное: *Как испужалась его нынче служаночька, А бросилась она да вон на улицу, А запряталась в конюшню во дворовую* [6, б. 37, стр. 69-71]. Особенностью сибирской традиции является наличие диалектной лексемы *конюшенка* – «помещение для скота (обычно для зимнего содержания)» [11, т. 14, с. 277], эпитет *белодубовый*, употребляющийся с лексемой *конюшня*. В былине «Сухан сообщает князю Владимиру о нашествии» дважды употреблено формульное выражение *девий монастырь на конюшню возму*, схожее с формульным выражением текстов Беломорья.

При сопоставлении эпических текстов не предполагается обнаружение большого числа территориальных особенностей, что связано с консервативностью выбора поэтических средств, каноничностью сюжета и устойчивостью повествовательной манеры былинного сказителя. Несмотря на подобные особенности языка героического эпоса, специфические черты былинного лексикона фиксируются как на региональном уровне, так и локальном уровне. К ярким особенностям языка былин Белого моря относится употребление фольклоризма *дворыще*, лексем *строенье* и *строеньице* в значении ‘двор’ и существительного *изба* в значении ‘жилое строение’, на уровне синтагматических связей наличие прилагательных *сиротский, вдовий* и *княжеский*, сочетающихся с лексемой *двор*, и устойчивого формульного выражения *взять божьи церкви под/на конюшни*. В лексиконе былин Печоры территориально маркированными являются лексемы *врата, лошадиные заводы и загород* (в значении ‘огород’). В сборнике текстов Сибири особенности лексикона проявляются в употреблении эпитетосочетаний *богатый двор, стоять на дворах, среди дворца* и лексемы *конюшенка*.

Список литературы

1. Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1901. 618 с.
2. Бобунова М. А. «Баня парит, баня правит» (лексикографический портрет слова *баня* в русском фольклоре) // Лингвофольклористика. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. Вып. 14. С. 14-19.
3. Бобунова М. А. Роль словаря языка онежских былин в изучении традиционной культуры // Рябининские чтения – 2007: материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Гос. историко-архитект. и этнографич. музей-заповедник «Киж», 2007. С. 203-205.
4. Клейнер Ю. А. Предисловие // Поэтика традиции: сб. науч. ст. / под ред. Я. В. Васелькова и М. Л. Кисилера.; предисл. Ю. А. Клейнера. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 9-17.
5. Климас И. С. Северная фольклорная традиция в зеркале языка // Рябининские чтения – 2007: материалы V науч. конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Гос. историко-архитект. и этнографич. музей-заповедник «Киж», 2007. С. 226-228.

6. Печорские былины / записал Н. Ончуков. СПб.: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. 424 с.
7. Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: автореф. дисс. ... д. филол. н. Курск, 2011. 42 с.
8. Радунский В. Г. Изба – дом – дворец – терем // Русская речь. 1989. № 1. С. 124-130.
9. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 497 с.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 578 с.
11. Словарь русских народных говоров. М. – Л. (СПб.), 1965-2011. Вып. 1-44.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN EPIC TEXT VOCABULARY (BY THE MATERIAL OF THE GROUP "YARD, NAME OF STRUCTURES AND PARTS OF THE YARD")

Kuz'mina Mariya Yur'evna
Kursk State University
Ma-RUS-ja@yandex.ru

The territorial differentiation of folklore is one of the main problems of modern linguistic study of folklore. In the article the comparative analysis of the lexical-thematic group "yard, name of structures and parts of the yard" functioning in the texts of bylinas recorded in Siberia, in the White Sea and in the Pechora River is presented. During the analysis, which hasn't been conducted on the chosen material previously, the author reveals the territorial specificity of Russian epic texts at the level of stylistic, syntagmatic and semantic peculiarities.

Key words and phrases: the language of bylina (Russian heroic epic); lexical-thematic group "yard, name of structures and parts of the yard"; territorial differentiation.

УДК 8; 821.111

Филологические науки

Статья посвящена изучению эпитетных возвращений, которые являются необходимыми составляющими в раскрытии темы смерти в поэтических произведениях Т. Элиота. Основное внимание акцентируется на эпитетах «dead», «death», «dying», которые не только характеризуют те или иные понятия, но и помогают установить смысловые связи между ними за счет принципа возвращения. В результате, повторы эпитетов расширяют границы идейно-художественного смысла произведений.

Ключевые слова и фразы: аллитерация; эпитетная структура; эпитетные возвращения; поэзия; Т. Элиот.

Ливицкая Оксана Викторовна

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина
Oksanasbox@mail.ru

**ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭПИТЕТНЫХ ВОЗВРАЩЕНИЙ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Т. С. ЭЛИОТА[©]**

Т. С. Элиот занимает особое место в англоязычной литературе. Огромное внимание привлекают его поэтические произведения, благодаря которым Т. С. Элиот стал известен всему миру. В 1948 году поэту была присуждена нобелевская премия. «Главная причина до сих пор неослабевающего интереса к Т. С. Элиоту в том, что он великий обновитель английской поэзии, стилистический революционер» [4, с. 86]. В своем творчестве Т. С. Элиот не раз обращался к теме смерти. Многие произведения поэта поднимают эту проблему. Безусловно, для крупнейшего метафизического поэта эта тема не может быть чуждой. Как каждый человек, Т. С. Элиот пытается понять и осмыслить окружающий мир, постичь тайну бессмертия. Эволюция мировоззрения, восприятия жизни и смерти отражалась на протяжении всего творческого пути поэта.

Стоит отметить, что тема смерти в поэзии Т. С. Элиота изучалась такими русскими исследователями как А. Аствацатуров [1], М. Бент [2]. Так, А. Аствацатуров рассмотрел проблему смерти и поиска возможностей ее преодоления в трех срезках: как важнейший аспект историко-культурной стороны поэтической теории Т. С. Элиота, как условие создания поэтической формы и как одну из важнейших тем его ранней поэзии. М. Бент выделяет основные метафоры и определяет их характер в раскрытии темы смерти и бессмертия в сборнике «Стихотворения» Т. С. Элиота. Другие исследователи, в частности, Х. Кеннер [13], Д. Крег [9], косвенно касались этой тематики. Отсюда следует, что раскрытие «смерти» в поэзии Т. С. Элиота требует изучения и дальнейшего исследования. Заметим, что языковые особенности поэтической речи Т. С. Элиота при этом частично рассматриваются или вовсе выпускаются из виду. Поэтому литературоведческое исследование в этом направлении является крайне необходимым, поскольку позволит определить специфику организации и функционирования «смерти» в поэзии Т. С. Элиота.